

Фото Юрия Пирогова

В Дубоссары я приехал в середине февраля 1992 года. Туда было только что передислоцировано казачье соединение, находившееся с декабря 1991 года в г. Бендеры. Добравшись из Тирасполя вместе с группой казаков до города, я прибыл в казачью казарму, находившуюся в бывшем здании ДОСААФа. Ввиду дефицита опытных офицеров меня, имевшего к тому времени кое-какой боевой опыт, назначили одним из заместителей командира соединения есаула* Федора Петровича Паршукова, кавалера ордена Красной Звезды и всеобщего любимца. Получив оружие — автомат АК-74, штык-нож и четыре фанаты РГД, я приступил к исполнению своих обязанностей...

На тот промежуток времени мы были де-юре одним из подразделений республиканской гвардии, комплектовавшейся на профессиональной основе. Все мы подписали контракты, предусматривавшие денежное и продовольственное содержание, компенсации за ранения и пособие семье в случае гибели.

Де-факто же мы были практически независимы и являли собой классический тип «казачьей вольницы».

Наши отношения с приднестровскими властями строились по тому же принципу, по какому действовали казаки до присоединения к Российскому государству. Принцип этот прост: казаки — это иррегулярные формирования, которые могут приниматься на службу к кому угодно, руководствуясь при этом лишь своими убеждениями и

подчиняясь своим выборным атаманам, которые, в свою очередь, осуществляют взаимодействие с «заказчиком» (то же самое происходит во всех нынешних «горячих точках» — руководство подразделениями осуществляют «полевые командиры», независимые в тактических вопросах от вышестоящего командования.) Наше соединение состояло из казаков Войска Донского, приехавших из различных станиц и городов, а также некоторого количества сибирских, екатеринодарских и терских казаков.

У нас был явный некомплект личного состава (при штатной структуре отдельного батальона максимальное количество людей едва дотягивало до сотни, а казачья сотня — 150 чел.), вызванный элементарной причиной — зачаточностью казачьих организаций на местах. Дело в том, что первый официальный документ о казачестве — приказ номер 3 и. о. министра обороны Российской Федерации генерал-полковника К. И. Кобеца, гласивший: «Российское казачество — до законодательного решения этого вопроса — признается в качестве реальной боевой единицы Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам», был подписан 20 августа 1991 года.

До этого казаки находились на полулегальном положении, что, естественно, увеличению численности казачьих организаций не способствовало. Казаки приезжали группами по направлению станичных атаманов. Так, из Волгодонска приехала группа под командованием есаула П., из Воронежа — группа есаула Ф., из Москвы — группа войскового старшины С. и т. д.

Впрочем подобный разнобой играл свою положительную роль. Дело в том, что казаки на местах проживания традиционно расписаны по полкам, каждый из которых формировался в определенном месте. В современных казачьих организациях используется тот же принцип. В Новочеркасске, например, Атаманский полк, в Москве — 4-й Донской им. атамана Платова (дислоцированный до революции 1917 года в Москве), в Омске — 1-й Сибирский им. Ермака Тимофеевича, и т. д. В Войске Донском было до 1917 года 96 полков, и потому была достаточно забавная ситуация, когда казаки, приезжавшие в Приднестровье небольшими группами из разных мест, имели на погонах шифровку — номер полка до 96-го включительно. Благодаря этому упорно ходили выгодные для нас слухи о неимоверном, в несколько полков, количестве казаков в ПМР.

Общее руководство казаками-добровольцами в ПМР осуществлял походный атаман Войска Донского полковник Виктор Ратиев, бывший офицер МВД. В городе было двоевластие, наряду с милицией ПМР существовала полиция Молдовы, с которой

постоянно происходили стычки, иногда перераставшие в перестрелки. В окрестностях действовали группы народнофронтовцев, постоянно обстреливавшие наши посты по ночам. Ко всему этому добавлялся некомплект личного состава в нашей части, в результате чего казакам почти не удавалось отдыхать, так как приходилось нести службу на трех постах, достаточно удаленных друг от друга: на плотине ГЭС, на посту ГАИ у моста через Днестр и на таможене у украинской границы. Казаки несли службу вместе с гвардейцами ПМР и сотрудниками милиции.

Помимо всего, надо было охранять здание, где мы находились, от возможных провокаций. Кроме того, командование гвардии постоянно просило выделить казаков для патрулирования, охраны объектов и других нужд. Объяснялось это достаточно просто: боеспособность гвардии была катастрофически низка. Начальник штаба гвардии в Дубоссарах, отставной подполковник Советской Армии, как-то доверительно сказал мне, что казаки нужны на постах «для поддержания боевого духа гвардейцев».

К концу февраля ситуация еще более ухудшилась. Ночные стычки, перестрелки, провокации и диверсии приняли массовый характер. Главным очагом напряженности было здание полиции, откуда осуществлялось руководство действиями противника в городе и окрестностях.

В ночь с 1 на 2 марта начались серьезные боевые действия. Вечером 1 марта от здания райотдела полиции была обстреляна машина, в которой ехал начальник дубоссарского РОВД майор милиции Игорь Сипченко. В результате перестрелки он был убит, водитель-милиционер и сопровождающий-гвардеец ранены. Террористы укрылись в здании полиции.

Мы получили приказ блокировать здание и, при поддержке милиции и взвода гвардии, взяли его в кольцо. На предложение сложить оружие полицейские ответили огнем, и мы понесли первые потери. Автоматной очередью был убит казак Михаил Зубков, а находившийся рядом с ним подъесаул Владимир Мешков был тяжело ранен в правое легкое. Вслед за этим в здание ворвалась наша штурмовая группа, которую лично повел походный атаман Войска Донского полковник Виктор Ратиев. Вскоре сопротивление было сломлено, полицейские арестованы.

В результате этой операции мы смогли существенно пополнить свои арсеналы и компенсировать имевшийся недостаток оружия за счет трофейного. У нас появились

пистолеты Макарова, автоматы АКС-74У, фанаты Ф-1 и РГД, бронежилеты и некоторый запас патронов, очень пригодившийся на следующий день.

Днем 2 марта по льду Дубоссарского водохранилища на наш берег перешли опоновцы (сотрудники отряда полиции особого назначения Молдовы) и волонтеры, состоявшие из недавно выпущенных из тюрем уголовников, общей численностью до батальона. Им удалось с ходу занять войсковую часть Российской армии в селе Кочиеры (северный пригород Дубоссар) и захватить имевшееся там оружие и боевую технику.

Нам было поручено выбить противника из села и вывезти российских военных и членов их семей, т. к. тогдашний командующий 14-й армией генерал Неткачев ничего не предпринял для их спасения, да и вообще проводил политику пассивного ожидания и невмешательства.

Наше подразделение в количестве не более 30 человек начало встречный бой с противником, превосходящим нас как численно, так и по вооружению. Вторым эшелон за нами шла рота гвардии. В этом бою казаки показали, на что они способны! Имея только легкое стрелковое вооружение, мы сумели деблокировать войсковую часть и под плотным огнем вывезти семьи военнослужащих. Официальные потери противника составили 73 человека, с нашей стороны был ранен в руку хорунжий Геннадий Иванов.

Особо отличился наш водитель штабного автобуса хорунжий Володя Виноградов, который вывозил женщин и детей. После этого боя в его автобусе не было ни одного целого стекла, борта были пробиты автоматными очередями. К счастью, никто из эвакуируемых, которым он дал команду лечь на пол, не пострадал.

Взаимодействовавшая с нами рота гвардии по причинам плохой боевой подготовки понесла большие потери, несколько гвардейцев и офицеров были убиты, многие ранены. Кроме того, были ранены два иностранных журналиста, решившие сделать репортаж с поля боя. Какие же были причины столь успешных действий казаков?

Мне думается, их несколько: быстрота и слаженность действий казаков (противник, который занял войсковую часть без сопротивления, был слишком уверен в своих силах и потому занимался грабежами и мародерством, думая, что успеет организовать оборону

и просто не ожидал столь быстрого появления казаков); храбрость и лихость; грамотное владение оружием в рукопашном бою; меткая стрельба и хорошее взаимодействие на поле боя; умелое использование естественных укрытий.

Приднестровские гвардейцы, встретив плотный огонь, обыкновенно отходили назад либо окапывались и занимали оборону, ожидая подхода техники (действовали по стандартной схеме), казаки же стремительно сближались с противником, стараясь организовать ближний бой с элементами рукопашного, не давая противнику закрепиться на позициях и в укрытиях. Противник подобного стиля боя не выдерживал и начинал в панике отступать.

Впрочем каждая палка о двух концах. Несмотря на высокую боеспособность казаков, эффективность их использования была в целом низкой. Дело в том, что в силу национального характера, по моим наблюдениям, использовать казаков можно лишь в наступательном бою (коих во время этой войны было довольно мало), в обороне же казак разлагается: начинается пьянство, падает дисциплина, отношение к службе становится весьма халатным. В нетрезвом состоянии казаки начинали «искать приключения», самовольно делали вылазки на территорию противника «за трофеями» и ходили «по бабам».

События развивались стремительно по нарастающей. Каждую ночь по нашим постам на мосту и на плотине велся огонь из автоматов и крупнокалиберных пулеметов. В городе и вокруг него действовали группы, с которыми происходили стычки. 4 марта противником была обстреляна мирная машина восточных электросетей.

Тяжелораненый водитель скончался. 5 марта выстрелом из гранатомета была серьезно повреждена трансформаторная будка на восточной окраине Дубоссар. 6 марта на плотине были ранены три гвардейца.

Днем 7 марта командование Дубоссарского батальона гвардии получило информацию о готовящейся провокации против дислоцированной в городе инженерно-саперной части Российской Армии. Командир части подполковник Мукабенев находился в тяжелом положении: большая часть его солдат была призвана из правобережной Молдовы и искала возможности дезертировать и удрать домой. Дошло до того, что офицеры и прапорщики были вынуждены охранять солдат, чтобы те не разбежались(!). Естественно, что подполковник, не имея достаточных сил для организации обороны в

случае нападения, попросил о помощи. Командование гвардии поручило это нам.

Вечером того же дня подразделение казаков заняло позиции вокруг воинской части, в том числе на территории прилегающей к ней табачной фабрики. Войсковая часть была окружена нашими постами: на разрушенном здании справа от КПП был установлен пулемет, две группы разместились в цехах фабрики, одна — на крыше фабричного управления. Информация разведки подтвердилась. Ночью на территорию фабрики проникла вооруженная группа противника. В темноте диверсанты лоб в лоб столкнулись с казаками, совершавшими обход цехов. Обе стороны открыли автоматный огонь, который в кромешной темноте не дал никакого результата. Бросив пару гранат, диверсанты скрылись. Потерь ни с чьей стороны не было.

Но это были только «цветочки». Каждая ночь приносила нам одного-двух раненых, к счастью, в большинстве своем легко. По этой причине личный состав часто менялся, что создавало определенные трудности в управлении. 13 марта опоновцы Молдовы выдвинувшись из села Вадуллуй-Воде, переправились через мост и сходу, при поддержке местных народнофронтовцев, захватили села Кошница и Пырыта. Попытка гвардейцев взорвать мост не удалась, мост был лишь поврежден (тогда же был взорван мост на окраине Дубоссар, гораздо более удачно, что сослужило нам впоследствии хорошую службу). Не сумевшие противостоять бронетехнике гвардейцы в панике бежали к шоссе, побросав своих раненых и оружие.

Нашему подразделению удалось контрударом отбросить противника к реке и вынести раненых гвардейцев, но силы были явно не равны. Казаки отошли к шоссе и окопались. Замысел противника был ясен: перерезать шоссе Рыбница — Тирасполь и таким образом рассечь Приднестровье на две части. В условиях неразвитости рокадных дорог это означало одно — поражение Приднестровья. Бой продолжался всю ночь. Противник двинул на нас БТРы и БМП, которым нам абсолютно нечем было противостоять, т. к. вся бронетехника на Дубоссарском участке состояла из трех гусеничных минных заградителей ГМЗ, боевой разведывательной дозорной машины БРДМ-2, тягача МТЛБ и двух автомобилей КРАЗ, обваренных на заводе бронелистами и

носивших гордые имена «Варяг» и «Аврора». Атаку удалось отбить гранатометным и пулеметным огнем. Противник отступил.

Утром 14 марта была предпринята новая атака. Заместитель командира батальона ОПОН поклялся за два часа выбить казаков с позиций и перерезать трассу. Подобное бахвальство ему дорого обошлось. БТР, на котором он ехал, был подбит и захвачен группой казаков под командованием подъесаула Александра Деткова, награжденного за войну в Афганистане двумя орденами и несколькими медалями. Как выяснилось потом, при проверке документов убитых, среди них было двое граждан Румынии. Новенький БТР-80, получивший радиопозывной «Клоун» (этот позывной был в Афганистане у А. Деткова, ставшего его командиром), стал первой казачьей бронемашинкой. Днем того же 14 марта на развилке возле села Роги опоновцами был обстрелян автобус с туристами, следовавшими из Харькова в Турцию. Выброшенный пассажирами белый флаг не помог, двое туристов были убиты, многие ранены. Несколько часов позже два ГМЗ гвардии попали там же в засаду, один ГМЗ был поврежден, несколько гвардейцев убито и ранено.

Боевые действия на Кошницком участке продолжались. Нам в помощь 14 марта прибыло подразделение кубанских казаков, имевших свое командование. Обмундированы они были лучше нашего: все кубанцы были одеты в одинаковую «афганку», и на фоне нашего разномастного войска (мы, в основном, были одеты в казачью форму, в которой мы приехали из России, красивую, но мало пригодную к современному бою) выглядели очень эффектно.

К этому времени обострились противоречия между нами и командованием гвардии. Гвардия занимала выжидательную позицию, прячась за нашими спинами, но пожиная все лавры. Активные действия казаков не поощрялись. Дважды села Кошница и Пырыта были, по приказу казачьего командования, отбиты у противника, но каждый раз от гвардейского командования следовал приказ отойти к шоссе. Та же история была ранее с Кочиерами, которые можно было отбить, но подобного приказа так и не поступило. Села Кочиеры, Кошница и Пырыта так и отошли впоследствии к Молдове.

Впрочем, позицию приднестровского руководства по этому вопросу можно было понять: оно пыталось сохранить республику пусть даже ценой территориальных потерь, тем более, что, во-первых, население Кошницы, Кочиер и Пырыты придерживалось явно прорумынской ориентации, а, во-вторых, Приднестровье все равно не могло выровнять границу по р. Днестр, т. к. правобережный город Бендеры и окрестные села, согласно волеизъявлению населения, входили в состав Приднестровья.

К вечеру 15 марта боевые действия на Кошницком плацдарме приостановились. Противник, понеся значительные потери, запросил перемирия. В нашем соединении, к счастью, убитых не было, но несколько человек были ранены, в том числе тяжело. У работавших вместе с нами кубанцев несколько казаков было убито, в том числе известный писатель и журналист, историк казачества есаул А. Берлизов.

Однако утром 16 марта мы получили тяжелое известие: на южной окраине Кочиер находятся четыре трупа казаков. Выяснилось, что отсутствует подразделение под командованием офицера разведвзвода хорунжего Анатолия Шкуро. Они должны были находиться на посту на территории завода железобетонных изделий ЖБИ-9 на северной окраине Дубоссар. Как удалось установить, казаки, устав от почти недельного «сидения», решили «поразматься» и осуществить диверсию против опоновцев, устроивших базу в Доме культуры в селе Кочиеры. Итог был плачевным: проводник из местных жителей вывел группу прямо на засаду противника. Казаки Валерий Берко, Михаил Коваль, Василий Гиричев, Андрей Холод и проводник были убиты, командир группы Анатолий Шкуро попал в плен (обменять его удалось лишь в конце апреля).

Это был ощутимый удар — таких потерь у нас до сих пор не было. Несмотря на перемирие, забрать трупы с первого раза не удалось. Санитарная машина, приехавшая в Кочиеры, была обстреляна и вернулась назад. Тогда, выпросив у гвардии МТЛБ, за ними поехал я вместе с шестью казаками и проводником из местных жителей.

В Кочиерах нас уже ждали: наш МТЛБ выехал прямо на засаду и попал под плотный пулеметный огонь. Приятного в этом было мало, особенно если учесть, что МТЛБ имеет только легкую противоосколочную броню и легко пробивается из пулемета Калашникова калибра 7,62. Как назло, у нас заклинил башенный пулемет, и отстреливаться приходилось из имевшихся у нас пяти автоматов АК-74. В довершение всех бед проводник, впервые попавший в подобную переделку, бился в истерике, а потому дорогу показывать было некому.

Покрутившись в Кочиерах, как слон в посудной лавке, мы все-таки нашли дорогу назад, но трупы погибших ребят так и не обнаружили. Когда мы подъехали к посту гвардии на северной окраине Дубоссар, наш молчаливый пулемет (и смех, и грех!) наконец заработал, выдав салют в честь нашего благополучного возвращения. Осмотр МТЛБ показал: фары и триплексы разбиты вдребезги, броня возле бойниц густо усеяна

пулевыми отметинами, на броневом листе, прикрывающем правый бензобак, возле которого я сидел, две больших вмятины от пулеметных пуль калибра 7,62 (счастье наше, что они ударили в броню по касательной). Показателем плотности огня служили четыре (!) пулевых отметины на стволе нашего башенного пулемета.

Вместе со мной в МТЛБ был есаул Геннадий Котов (упомянутый в статье «Добровольцы», «Солдат удачи», № 6). За время участия его в приднестровской войне, он зарекомендовал себя исключительно толковым и грамотным офицером, хорошо ориентирующимся на поле боя. 15 марта он был контужен под Кошницей: пуля вошла ему слева под каску, сделала там оборот и вышла справа, не пробив каски. В результате Котов начал заикаться, не всегда адекватно реагировал на обстановку. Состояние его ухудшалось день ото дня, и числу к 18-му марта он перестал узнавать окружающих, практически не мог говорить и был увезен в госпиталь в Новочеркасск. Поправился Геннадий только в конце лета и сразу уехал в Сербию, где и погиб. На Дону у него осталось двое детей.

Тела ребят удалось вывезти только на следующий день. В дальнейшем на Кошницком плацдарме велась позиционная война: перестрелки, минометные обстрелы, действия террористических групп. Временами предпринимались наступательные действия. Так, в конце марта противник предпринял вторую попытку перерезать Дубоссарское шоссе. Но и на сей раз он получил достойный отпор. За сутки боевых действий из шести бронетранспортеров, принимавших участие в наступлении, нами было подбито пять.

В конце марта список наших потерь пополнился. Не вернулась с задания разведгруппа, состоявшая из есаула Владимира Фомичева, хорунжего Михаила Гужвина и казака Олега Дущенко. Меры, принятые для их поиска, результатов не дали. Есаул Фомичев и хорунжий Гужвин воевали в Афганистане в одном полку, были награждены правительственными наградами. Михаил Гужвин был дважды ранен в Афганистане. Группой Фомичева были уничтожены три прибалтийские снайперши-наемницы, доставлявшие нам много хлопот на Кошницком участке. Снайперши были убиты ночью, в доме, в котором они жили, прямо в центре села Кошница.

Тела казаков были найдены только в июле. Как установило следствие, разведчики, возвращаясь из рейда, попали на нашей территории в засаду, организованную террористической группой противника.

Казачи-добровольцы в Приднестровье

Автор: Георгий Турулин
17.07.2011 08:00 -

Казачье добровольческое соединение участвовало в боевых действиях на Дубоссарском направлении до конца апреля 1992 года. В первых числах мая соединение было расформировано и прекратило свое существование как самостоятельная боевая единица. Приднестровье хотело мира, мира любой ценой. Молдова же выдвинула выгодные для себя условия переговоров, одним из которых был вывод российских казаков с территории ПМР.

С казачьей вольницей было покончено. В Приднестровье было сформировано регулярное Черноморское казачье войско (4КВ) из потомков казаков, живущих в ПМР. В дальнейшем все казаки, приезжавшие из России служили в рядах 4КВ. Вновь добровольческие подразделения российских казаков появились в Приднестровье в июне, при обороне Бендер. Но это уже другая история...

** Соответствие казачьих чинов армейским: хорунжий — лейтенант, сотник — старший лейтенант, подъесаул — капитан, есаул — майор, войсковой старшина — подполковник*

